РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ

Лев Амбиндер
руководитель Российского фонда помощи
Михаил Дмитриев
первый заместитель министра
экономического развития и торговли РФ

— В стране растут объемы пожертвований и благотворительности, несмотря на полное отсутствие налоговых льгот для филантропов. Еще примечательнее то, что филантропия развивается при полном молчании федеральных властей. Что у власти на уме?

— Уже очевиден тупик, в который завела нас старая парадигма социальной политики. Добрый дядя в лице государства по-прежнему определяет все — вплоть до нужд конкретной семьи и даже конкретного подростка с точки зрения его образования и социализации. Добрый дядя на основе глубоких эмпирических знаний точно знает, что каждому причитается, не спрашивая самих граждан. Такая политика породила чудовищную неэффективность расходования бюджетных средств, огромные финансовые потери. Стратегию соцзащиты надо трансформировать, чем скорее, тем лучше. Добрый дядя сам по себе не способен решать все проблемы общества. Понимание этой истины растет в обществе и во власти. Новая стратегия социальной политики должна строиться на привлечении и других, помимо власти, сил общества. Я имею ввиду НКО (некоммерческие организации.— **„Ъ“**), вообще третий сектор и, конечно, бизнес.

Коренной порок системы соцзащиты кроется в жесткой привязке к существующей системе бюджетных организаций. Возникает проблема — и ответ власти прост: создать новое госучреждение. Будучи созданным, учреждение становится вечным потребителем ресурсов независимо от того, какие проблемы и как оно решает.

Отсюда задача демократизации механизмов принятия финансовых решений в социальной сфере. Где возможно, полномочия по получению услуги следует делегировать самому гражданину. Но если в здравоохранении и образовании приемлемо нормативное подушевое финансирование, то в сфере соцзащиты все сложней. Тут контингент не столь очевиден. Вот безнадзорные дети — никто не знает, сколько их. Или наркоманы — они должны сами идентифицироваться? Мы сейчас прорабатываем набор схем. В ряде случаев это, возможно, будут ваучеры. Типичный пример — уход за престарелыми гражданами. В ряде регионов для них есть целый комплекс услуг, вплоть до массажа. Пенсионер недоедает, но к нему запросто может прийти массажистка. Власть навязывает услуги, а права выбора у человека нет. Ваучер позволит выбирать.

А когда потребитель пассивен (ваучер беспризорнику и наркоману не выдашь: ты их еще найди!), оптимально участие НКО и приемлем госзаказ. При этом НКО еще и привлекают пожертвования. Мультипликативный эффект тогда дает ресурсы, в разы превышающие бюджетные. Разумеется, передача госзаказа в НКО возможна на жестких условиях: открытый конкурс, транспарентность, независимый контроль, гарантии целевого использования средств.

— И когда эти схемы станут у нас практикой?

— Первый шаг мы уже сделали. Только что в правительстве обсуждался вопрос о реструктуризации бюджетной сети. Впервые Минфин, согласовав доклад с нами, сформулировал задачу отхода от бюджетного финансирования по нормативам и перехода к ориентации на потребителя, бюджетирование по результатам. Тогда для распорядителя средств уже не имеет значения, кто получатель: госучреждение, НКО или физическое лицо.

Нам пока не удалось проработать с Минфином правовые условия для объединения средств бизнеса и государства в негосударственных благотворительных фондах. Просто мы не успели. Но через годполтора Минфин придет к целесообразности подобных решений.

— Многие бизнес-структуры хотели бы заняться филантропией, но ждут сигнал от государства. А оно молчит. Единственная льгота по налогу на прибыль и та ликвидирована.

— Вы правы, речь должна идти о восстановлении льготного режима налогообложения благотворительности. Пожертвования в определенных пределах не должны облагаться подоходным налогом и налогом на прибыль. Бизнес, особенно средний, не всегда в состоянии формулировать социальные стратегии и действительно ждет сигнала от государства. Но крайне опасно свести сотрудничество к указаниям властей: вот тут и тут нам не хватает денег, дайте и отдыхайте. Создавать программы надо при активном взаимодействии власти, вырабатывающей социальные цели, бизнеса, готового их финансировать, и третьего сектора, погруженного в реальную ситуацию.

— Представим, что будет, когда все будет. Вот все шаги в демократизации управления уже сделаны — кто станет инициатором новых социальных программ? Поговаривают о едином государственном органе, ссылаясь на опыт Запада.

— Что-то вроде «министерства правды», которое всех направит и по струнке поставит? Нет, нужны единые механизмы для всех уровней власти, а не новая контора. Надо унифицировать правила работы с деньгами социальных программ. Это задача административной реформы и бюджетного законодательства. Правила представительства в группах, где согласуются приоритеты, порядок учета мнений и правила софинансирования для бизнеса — это надо регламентировать и интегрировать в бюджетный процесс. В ближайшее время все эти новые механизмы станут предметом обсуждений у законодателей.

— В ближайшее время — это когда?

— В течение ближайших двух-трех лет. Пока нет проектов законов, но есть высокий шанс на поддержку такого рода схем в следующем политическом цикле. Социальная сфера выйдет в число приоритетных, и способы расходования бюджетных и частных денег в ней окажутся в центре внимания.

— То есть власти уже задумались?

— Мы всерьез задумались.

Настя ищет человека

Человек даст ей немного костного мозга

Доктор до сих пор не рассказывает Насте, что пересадка костного мозга для нее последний шанс, потому что донорского костного мозга для Насти нет

ФОТО ПАВЛА СМЕРТИНА

В Германии есть база данных, по которой можно было бы найти человека, чей костный мозг подходит Насте Савельевой из Тамбовской области. И тогда можно этот мозг ей пересадить — для нее это последний шанс.

Насти нет. Ее койка в отделении онкогематологии стоит пустая. На соседней койке лежит девочка лет четырнадцати, грустная и в марлевой маске, потому что, когда делают химиотерапию, ребенок плохо себя чувствует и простой насморк может стать для него страшной болезнью.

С Настиным доктором мы сидим у входа в палату в коридоре, и странно, что доктора зовут Екатерина Николаевна. Она молодая женщина, и она плачет, так что хочется погладить ее по голове и сказать: «Катя, не плачьте». Она говорит:

— У нас такое отделение, что нам все время нужна помощь. Мы каждый день вызываем то отоларингологов, то хирургов, потому что на фоне лейкоза... Плакать хочется, у нас очень хорошие дети, и им все стараются помочь.

Мимо нас по коридору ходят дети. Они бледные, и у них, как правило, нет волос на голове. Они очень нежные от этого. Доктор рассказывает мне, что за тридцать дней химиотерапии ребенок должен выйти в ремиссию. 70% детей выходят в ремиссию. Лейкоз больше не смертельная болезнь. Семьдесят детей из ста выживают, а десять лет назад из ста выживали пятеро.

Так вот, Настя не вышла в ремиссию за тридцать дней. И усиленная высокодозная химиотерапия потом тоже не помогла. И за что это столько несчастий на голову одной маленькой девочки — непонятно. Когда Насте было восемь лет, у ее бабушки сгорел дом. Когда Насте было девять, любовник убил Настину мать — так, что Настя видела. Потом Настю удочерили дядя и тетя, а потом она заболела лейкозом. А потом не подействовала химиотерапия. В этом году Насте исполнилось десять лет. И когда доктор мне это рассказывает, я думаю, что Настина история — про то, как на человека наезжает судьба паровым катком, и про то, что нас здесь слишком мало, чтобы противостоять Настиной судьбе. Вот доктор Катя — глаза на мокром месте, я зашел на десять минут, хирург из соседнего отделения, анестезиолог... Мы не справимся.

Настя открывает дверь и шагает по коридору даже немного вприпрыжку. Ее не было, потому что она ходила в больничную церковь. У нее смешная круглая рожица. Она улыбается. Она красиво рисует сказочных принцесс и любит фильмы про сказочных волшебниц. На нее не подействовала химиотерапия.

Доктору лет двадцать семь или тридцать. Доктор говорит, что сдаваться нельзя. Она глотает слезы — так, чтобы Настя не видела слез лечащего врача, и говорит, что Насте можно еще сделать пересадку костного мозга. Она говорит тихо, чтобы Настя не услышала и не испугалась раньше времени, узнав, как именно пересаживают донорский костный мозг.

Когда пересаживают костный мозг, ребенка запирают одного в стерильном боксе. Ребенку передают туда стерильную еду через специальное окошко, не пропускающее бактерий, и стерильное судно. В вену ребенку вставлен катетер, а трубки капельниц выходят через стену наружу, и бутылки с лекарствами медсестра меняет снаружи. В боксе есть телевизор, и ребенку передают туда внутрь стерильные кассеты с мультиками. Никто из взрослых не может войти и погладить ребенка по голове, взрослые только смотрят на ребенка через стекло и не спят. Лекарства в капельницах суть яд, и за семь дней этот яд убивает в ребенке собственный костный мозг и кровь. Кровь становится бледной. Эти семь дней отсчитывают в обратном порядке: минус седьмой, минус шестой, минус пятый. В день ноль ребенок практически мертв, если верить его анализу крови, и в этот день ребенку вводят в вену донорский костный мозг, здоровые стволовые клетки, которые должны заменить собой убитые раковые клетки костного мозга ребенка. Эта замена длится еще месяц или полтора. В конце концов выходит, что ребенок заперт один в стерильном боксе около двух месяцев. Это именно те два месяца, когда ребенку так плохо, как не было никогда прежде и не будет никогда потом, если ребенок выживет.

Настя сидит на кровати и улыбается:

— Катерина Николавна говорит, что мне надо будет делать пересадку костного мозга, но я думаю, что, может быть, и на таблетках проскочу.

— Ты знаешь, как делают пересадку?

— Не-а, не знаю. А что, больно?

— Нет, не больно, но очень неприятно.

Доктор до сих пор не рассказывает Насте, что пересадка костного мозга для нее последний шанс, потому что донорского костного мозга для Насти нет. В России вообще нет доноров костного мозга. А за границей есть база данных, и где-нибудь в Италии, например, или во Франции живет человек, чей костный мозг подходит Насте Савельевой из поселка Дмитровка Тамбовской области. И если этого человека найти, то он отдаст Насте немного своего костного мозга. Это будет сложная операция под общим наркозом, но этот человек согласен. Когда доктор говорит об этом человеке, она опять чуть не плачет, потому что он, наверное, хороший человек, но чтобы найти его, ни у доктора, ни у Насти, ни у меня нет денег.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Поиск донора обойдется в 15 000 евро

Диагноз «острый лимфобластный лейкоз» Насте Савельевой поставили ровно год назад. По словам заведующего отделением онкогематологии Российской детской клинической больницы Дмитрия Литвинова, у девочки «самый неблагоприятный вариант лейкоза — Т-клеточный». К стандартной терапии заболевание оказалось нечувствительным, и пришлось применять высокодозную химиотерапию. «Однако нам хорошо известно,— говорит Дмитрий Витальевич,— что такой лейкоз одной химиотерапией вылечить невозможно».

Девочке необходима трансплантация костного мозга от неродственного донора. Стандартная стоимость поиска и активации такого донора за рубежом — 15 000 евро. Трансплантация и последующее лечение как минимум втрое дороже. Но в случае с Настей Савельевой эти платежи сделает государство.

Российский фонд помощи располагает реквизитами счета центра Stefan Morsch Stiftung (Германия), который и займется поиском Настиного донора (в России такого банка данных не существует). Если немецкий регистр не выручит, то Stefan Morsch Stiftung отыщет донора в аналогичных центрах Европы. Мы готовы передать реквизиты Stefan Morsch Stiftung читателю, способному внести полную стоимость поиска. Германская сторона не в состоянии принять на себя дробный сбор пожертвований. И все же девочке можно помочь любой суммой. Как всегда в таких случаях, фонд открыл в Москве сберкнижку на имя ближайшей родственницы, двоюродной бабушки Насти — москвички Надежды Вячеславовны Калининой. Мы готовы сообщить эти реквизиты.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Из свежей почты

Юля Панина, 2 года, тугоухость IV ст., необходимо 10 курсов лечения и слуховые аппараты DigiFocus II SP. 89 795 руб.

Врачи все говорили, что детей у меня не будет. А я очень хотела стать матерью и в 39 лет родила Юленьку. Правда, две недели дочка провела в реанимации, но выжила. В три месяца выявили поражение центральной нервной системы. Вскоре новый диагноз: глубокая тугоухость. Я выполняю все рекомендации невропатолога и сурдолога. Но на зарплату заводского инженера не купить цифровые слуховые аппараты DigiFocus. Они стоят 53 400 руб., а мне не на кого рассчитывать. Теперь от аппаратов полностью зависит развитие девочки. Юле третий год, она вообще не издает звуков, потому что ничего не слышит. Обидно, это же смышленый, жизнерадостный ребенок. И в центре вегетативных и сосудистых расстройств меня заверили: Юля перспективная. Назначили лекарства и тренинг. Методика эффективная, но на лечение надо 36 395 руб. Что же делать? *Наталья Панина, Московская обл.*

Директор сурдоцентра «Отофон» Ольга Смирнова: «Без цифровых аппаратов Юля, к сожалению, останется глухонемой. И мама права: теперь от них зависит ее развитие».

Марианна Гагарина, 23 года, рассеянный склероз, нужен 5-месячный курс лечения препаратом «Копаксон». 180 000 руб.

Совсем не хочется афишировать горе, но иного выхода не осталось. У нас была счастливая семья. Мы с женой потомственные врачи, сын и дочь — студенты-медики. Но в прошлом году дочь Марианна вдруг захромала. Это начался рассеянный склероз. Вскоре она уже не вставала, а потом ухудшилось зрение. Ситуация изменилась, когда ей прописали препарат «Копаксон». Сейчас девочка встала на ноги. Надо выдержать хотя бы годовой курс копаксона, чтобы развить и закрепить успех. Но одна упаковка (ее хватает на месяц) стоит 36 000 руб. Это вдесятеро больше моей зарплаты. Мы уже продержались семь месяцев, но сейчас резервы, поверьте, исчерпаны. У нас красивая, умная и добрая дочь. Я очень надеюсь, что вы спасете ее. *Владимир Гагарин, Ярославская обл.*

Алексей Бойко, профессор РГМУ (Москва): «Прием Марианной копаксона дал просто хороший эффект. Принимать препарат надо без перерывов два года. Но вы разбиваете проблему на части, это разумно. Москва бесплатно обеспечивает горожан копаксоном, а ярославцы должны платить сами. Марианна молода, если ее поддержать, она сможет активно жить».

Ира Леонова, 14 лет, гемофилия (несвертываемость крови), срочно нужен препарат «Фактор VII». 727 214 руб.

Наши добрые друзья! Вы уже собрали для моей Иры почти половину цены на годовой курс лечения препаратом «Фактор VII». Низкий поклон вам! Ее аппендицит решили оперировать планово, не дожидаясь нового приступа. К несчастью, «Фактор VII» расходуется быстрее, чем ожидалось: цикл у Иры всего 19 дней, а кровотечение длится 10–11 дней. В сентябре трижды был гемартроз колена. Ушло аж 14 флаконов «Фактора». Но если препарат не вводить, хрящи и суставы разрушатся. В октябре вдруг пошли синяки по всему телу — еще два внеплановых флакона. Учится Ира в 9-м классе, ходит на курсы программистов в университет и в художественную школу. Ее глиняные скульптуры кочуют по выставкам в разных странах. Я запретила выставлять их как работы инвалида. Пусть оценивают по таланту. Дочь должна строить жизнь без скидок. У Иры много друзей, и я рада, что она не озлобилась и не завидует здоровым. *Спасибо вам, Татьяна Леонова, Северная Осетия.*

Заведующий гематологическим центром Москвы Владимир Вдовин: «Четвертый год вы спасаете жизнь этой единственной в России девочке с гемофилией. Без „Фактора VII“ Иру ждут кровоизлияния в суставы и мозг, разрушение костной ткани. Но с возрастом потребность в факторе уменьшится. И еще надежда на власти. Возможно, они станут снабжать больных бесплатно».

Светлана Алиева, 18 лет, грудной сколиоз IV ст., спасет операция в НИИТО (Новосибирск). 67 679 руб.

Я училась в техникуме, домой приходила с болями в спине. Это из-за сколиоза. На личной жизни поставила крест: кому нужна горбатая? И врачи приговорили: детей не будет. И вдруг появился Сергей, красивый и сильный. Военный-контрактник. Я пряталась и плакала. Влюбилась и панически боялась. Вот посмотрит повнимательней на мою спину — и конец, как потом жить? Но Сережа упорно приходил. Я честно рассказала все, и... мы поженились. Нашей Дашеньке восемь месяцев. Мы души в ней не чаем. Сергей уволился из армии. Стирает, готовит, гуляет с Дашей. Он потрясающий отец. А у меня ухудшение, теперь мало что могу. Ни нагнуться, ни дочку взять на руки. И больно очень. Диплом эколога я получила, но места пока нет. Лето Сергей отработал на стройке, сейчас тоже ищет работу. Была в НИИТО, рентген плохой: прогресс после родов. Говорят, может совсем скрутить. Помогите, пожалуйста, нам не найти 67 679 руб. *Светлана Алиева, Новосибирская обл.*

Заведующий клиникой вертебрологии Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Света, конечно, смелая, но из-за беременности ее сколиоз спрогрессировал вдвое. Скоро начнется сильнейший болевой синдром. Оперировать надо как можно быстрее, пока организм не стал разрушаться».

Алла Анцыферова, вдова, двое детей, безработица, нужны одежда, стиральная машина, холодильник, телевизор. 33 050 руб.

Что ж так тяжко живется-то? В 1994 году с семьей перебрались на Кубань из Казахстана, там русским тяжело и безработица. Думали на вырученные за дом $4500 здесь обосноваться. Муж вложил деньги в МММ, и все пропало. Муж слег и вскоре помер. Осталась одна с двумя детьми. Спасибо, дали двухкомнатную квартиру. И вот Тане 15 лет, учится на повара. А Саша инвалид, ему 18, высокий, видный, но умственно отсталый. Страдает эпилепсией. На улице дразнят и бьют, так он дома сидит. Одна радость — телевизор. А нашему «Спектру» уже 20 лет, его в ремонт не берут. И новый купить не на что. Одежда совсем изношена. Я работала сварщицей, поднимала тяжести и надорвала спину. Боли такие, что в мае уволилась, а работы без физической нагрузки здесь нет. Вот и живем на пенсии в 2000 руб. Теперь стирка и уборка для меня пытка: спину больно. Очень нужна стиральная машина, пылесос, но знаю, что не куплю их никогда. Тут и холодильник потек, он сгнил. Все одно к одному, и руки опускаются. *Алла Анцыферова, Краснодарский край.*

Замначальника отдела горсоцзащиты Людмила Попандопулло: «Да уж, Алле достается! Тянет детей из последних сил, но не пьет и не паникует. В 2002 году дали ей путевку в санаторий и 900 руб. Больше помочь нечем».

Кирюшу Соколова услышали. Теперь услышит он

У нас две новости — и обе очень хорошие. 15 октября успешно проведена пересадка донорской почки 15-летнему москвичу Павлу Новикову. Паша родился с единственной почкой, а три года назад она отказала. Трансплантация донорской почки стоила $27 225. После публикации в „Ъ“ читатели собрали деньги на четыре трансплантации! В том числе крупно повезло Алеше Назарову (22 года, Карелия), Максиму Максимову (18 лет, Тульская обл.) и Коле Пронину (2 года, Москва).

Собирая деньги для Кирилла Соколова (крайний слева), вы заодно спасли Веронику Маркарян, Никиту Клеву, Артема Колчеданцева ФОТО СЕРГЕЯ НАСОНОВА, Ъ, ПАВЛА СМЕРТИНА, ДМИТРИЯ ЛЕБЕДЕВА

Вторая новость: трехлетний Кирюша Соколов (см. „Ъ“ от 22 сентября), которому грозила полная глухота и спасти которого могла лишь кохлеарная имплантация за $23 500, удачно прооперирован 20 октября и уже выписан домой. Читатели собрали 2 426 739 руб. Деньги поступали на сберкнижку мамы Кирилла Юлии Соколовой, а также в Австрию — на счет завода-изготовителя. В частности, полную стоимость операции перечислил частный фонд «Династия» Дмитрия Зимина, основателя и почетного президента компании «Вымпелком». Собранных денег хватит на три имплантата, будут прооперированы еще и Вероника Маркарян (3 года, Санкт-Петербург) и Артем Колчеданцев (1 год, Москва).

Однако и это еще не все. Как сообщил министр труда и социального развития РФ Александр Починок, Федеральный научно-практический центр аудиологии и слухопротезирования министерства тоже готов оказать помощь малышу. 23 октября здесь по нашей просьбе успешно оперирован трехлетний Никита Клева из Приморского края. Теперь об остальных ваших откликах.

Оплачено лечение: Сергею Симонову (16 лет, острый гематогенный остеомиелит, гнойный артрит тазобедренного сустава, нужна операция, 72 297 руб., Москва); Милане Накостхоевой (1 год, дефект сердечной мышцы, требуется операция, 166 209 руб., Москва).

Отправлены: 58 800 руб. на компьютер с брайлевской системой «Jaws for Windows» Людмиле Лысиковой (27 лет, слепота, инвалид 1 гр., Орловская обл.); 22 500 руб. на холодильник и теплую одежду, а также посылка Светлане Тузбековой (36 лет, трое детей, безденежье, Башкирия); 19 600 руб. на детскую одежду и канцтовары, а также три посылки Марии Хмелевской (вдова, воспитывает племянницу, безденежье, Читинская обл.); 62 901 руб. Насте Яхно (16 лет, сколиоз 4 ст., полная стоимость операции 195 516 руб., Кемеровская обл.,); 116 000 руб. на цефалостат для отделения лицевой хирургии РДКБ (до полной стоимости не хватает 272 599 руб.); 49 658 руб. на протез Эльзе Хакимовой (22 года, пострадала в аварии, Москва).

Помогли: Андрей (Орел), Елена (Рига), Андрей Петрович (Новосибирск), Минтруд РФ, частный фонд «Династия», Светлана (от руководителя), коллектив компании «М.видео», Александр Константинович, две Светланы, две Анны, Ольга Юрьевна, две Ирины, Анатолий, Лариса, Герман, Олег, Александр, два Юрия, Евгений, Светлана Алексеевна, Игорь, Андрей, Дмитрий, Иван, Татьяна и Денис, Дмитрий и Татьяна, Марина Геннадьевна, Людмила Михайловна, Михаил и Нелли, Гуля, Александр, Павел, Марина, два Андрея, Елена Николаевна, две Натальи, Елена Смирнова (фонд «Созидание»), Георгий, Оксана, Игорь, семья Липатовых, Елизавета, Константин, Алла и Олег, Максим, Арина, Светлана, три Марии, Елена Геннадьевна, Михаил Вячеславович (все — Москва).

Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года как попытка помочь авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, «Домовом» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты бедолаги и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась — всего собрано свыше $4,5 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших милиционеров (Самара), 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста». Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адреса фонда: 125252, г. Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; E-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны:(095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).